

Часовой любви

Узбекистан - 1994. - 19 июня - с. 5

покидает земной караул

Среда. Вахтанговский театр. На подходе к нему оцеплены все арбатские дворы, которые воспел их великий Дворянин.

Накануне чиновник с долгой памятью («вы помните, какое человеческое месиво было в 1980-м? С конной милицией Высоцкого хоронили») советует заказать пропуск, чтобы попасть на гражданскую панихиду... Ранним утром становлюсь в хвост бесконечной очереди, которая начинается прямо от метро «Смоленская». Это не очередь. Это святое Братство тех, кто дежурил по апрелю, кто садился в последний троллейбус, кто брался за руки, чтоб не пропасть по одиночке, кто до сих пор верит в некий мифический оркестрик под управлением любви.

Близкие друзья поэта часто говорили, что он единственный из великих, кто за всю жизнь ни на грамм не продемонстрировал своей исключительности.

Жаль, Булат Шалвович, что сегодня такой исключительный случай выдался. Вы молчите, а все вокруг говорят, говорят...

«Умирать не страшно — страшно не жить» — эту вольтеровскую фразу Окуджаву часто повторял. И иногда сам себе противоречил, скорее, нас убаюкивал: раз оттуда никто не вернулся, значит, там благодать.

Сегодня Булата Шалвовича похоронят на Ваганьковском кладбище. Ольга Владимировна, Оля, которой посвящено бесчисленное количество стихотворений, тихо попросила защиты от народодостоия. Пусть в те минуты будут семья и самые близкие друзья. Грех не расслышать просьбу самого близкого поэту человека. Тем более что помянуть может каждый из нас. Помянуть — значит помнить. Протяните руку к старой пластинке...

**«Не мучьтесь понапрасну:
всему своя пора.
Траву взрастите —
к осени сомнется.
Вы начали прогулку
с арбатского двора,
к нему-то все, как видно,
и вернется».**

Ядвига ЮФЕРОВА.

Арбат, 18 июня. Люди к Окуджаве.

Фото Виктора АХЛОМОВА.

Сказать, что были мы не так плохи, как этот век, мог только Окуджаву

На смерть, как на солнце, во все глаза не взглянешь — сказано давно, но почему-то именно смерть является поводом для говорильни, и я, будучи как бы профессиональным словесником, почему-то совершенно утратил дар речи именно в случае с Булатом, и больше всего я думаю о том, что же это значит. Когда уходит настоящий человек из жизни, даже если ты не был с ним родствен или близок, допустим, Набоков или Бродский, то сразу чувствуешь совершенно ясную дыру в собственном существовании, дыру — и удивляешься, что это дыра, и чувствуешь ее края. Таким образом сопереживаешь горе. А Булат — какая-то другого рода брешь в душе, которую я не могу назвать словами потому, что то, чем был Булат, оказалось частью меня не снаружи, а внутри, и, подыскивая слова, достойные этого человека, хочется найти именно достойные, потому что, может быть, достоинство было главной его чертой: повадка, поза в жизни. Поза, равная знаку буквы, и эта буква была в нашем языке и в нашем алфавите и сейчас — как писать на сломанной машинке, в которой вдруг оказывается нету одной, всего лишь одной буквы, но нету, в результате нету и всего текста, и всего языка. Отломалась клавиша.

Пиши теперь без буквы «О». Это, может, будет так же трудно, как писать без буквы «П» Пушкин. Музыкальность была главным даром этого человека. Музыка, которую мы не слышали, но благодаря которой жили. Музыка не только в нотах, в голосе, а как состав самой жизни. Сейчас, в конце века, мы все знаем, каков был век. Но сказать нам, что мы были не так плохи, как этот век, было нам некому. И в этом отношении Булат был единственный, кто спел нам это, лучше многих представляя себе, что век этот был пропитан кровью, как губка.

Андрей БИТОВ.